

1918—1.512, иными словами преступность несовершеннолетних увеличилась в семь с половиною раз. Первый год германской революции дает резкое понижение преступности до 897, но затем она снова быстро начинает идти вверх: в 1920 г.—988 и первая половина 1921—448. Этот рост весьма близок к тому, который мы наблюдаем у нас в Петрограде, где, исчислив коэффициент сокращения населения, можно установить следующую картину роста детской преступности: в 1913 г. на 1.000 населения в возрасте от 7 до 18 лет, приходилось обвиняемых несовершеннолетних 1,6. В 1914 г. этот коэффициент падает до 1,1, после чего начинается его упорный рост: в 1915 г.—1,2, 1918—2, 1919—5,1, 1920—7, 1921—7,6.

Картину роста детской беспризорности в Германии дает нам отчет прусской комиссии по попечительному воспитанию. В течение года с 1/IV—1916 г. по 1/IV—1917 г., в учреждения попечительств воспитания поступило 13.458 детей. На 1 апреля 1917 г. в этих учреждениях находилось 59.500 детей. По сведениям отчетов, вновь поступившие обнаруживают сильную степень беспризорности; число больших, особенно легочно больших, значительно возросло. Среди поступающих наблюдается значительный процент плохо питающихся и физически недоразвитых детей. Возросло процентное отношение детей умственно слабых, нравственно порочных и неподдающихся перевоспитанию. Школьное образование вновь поступающих детей по общему правилу является крайне недостаточным.

По сведениям отдела социально-правовой охраны Наркомпроса, к концу 1922 г., во всей Р. С. Ф. С. Р. в 182 учреждениях воспитывалось 6.429 морально-дефектных детей, при чем это число едва охватывает 1/3 нуждающихся в таком воспитании, в число же беспризорных попадают почти все воспитанники наших детских домов,

число которых измеряется сотнями тысяч. По отчету главного управления местами заключения за 1922 г., из общего количества 80.559 чел., заключенных несовершеннолетних в местах заключения содержалось 1,4%, т. е. примерно около 1.200 чел.

Беспризорность есть явление социальное. Она характеризует не самого малолетнего, а ту социальную обстановку, которой он окружен. Беспризорным является малолетний, лишенный родительского дома или заботливой семейной обстановки, ребенок, хотя и находящийся в семье, но подвергающийся в ней дурному надзору, эксплуатации, жестокому обращению, непризорным является малолетний, предоставленный самому себе и случайным влияниям окружающей среды в тот период, когда он еще нуждается в семейной или социальной опеке. Но непризорность, будучи аномальным социальным состоянием малолетнего, необычайно легко создает болезненное социальное состояние малолетнего, которое мы называем детской преступностью. В большинстве случаев «детская преступность» есть непризорность, осложненная антисоциальными склонностями, легко возникающими на почве заброшенности, нужды, невежества, соблазна и озлобления и выражающаяся во вне в виде общественно-опасных действий малолетнего, образующих «состав» того или иного преступления, предусматриваемого уголовным кодексом. Детская преступность есть социальное зло не столько в силу тех общественно-опасных последствий, которые она влечет, сколько как симптом глубоко развившейся детской непризорности, подобно тому как язвы, обнаруживающиеся на теле и имеющие порою отталкивающий вид, не составляют еще сами по себе болезни, а лишь служат симптомом внутреннего болезненного состояния организма. Не будет парадоксом, если мы скажем, что преступность детей это есть преступление самого общества. Мы знаем много болезней, распро-

страшение которых есть лишь результат санитарного невежества, некультурности и равнодушия самого общества. Точно также и детская преступность в значительнейшей своей части есть продукт некультурности и равнодушия общества к насущным и необходимейшим нуждам ребенка. Мы пытаемся излечить эту болезнь различными мерами, из которых лучшими являются исправительное воспитание и попечительный надзор. Но эти лекарства помогают немногим и не всегда являются действительными. Несравненно важнее профилактика этой социальной болезни — спасение детей от преступности путем своевременной заботы об их материальном и моральном благополучии. В области борьбы с детской беспризорностью и преступностью идею такой профилактики нашли свое выражение в политике социально-правовой охраны несовершеннолетних.

Социально-правовая охрана несовершеннолетних исходит из признания того принципа, что каждый ребенок имеет по отношению к государству и обществу определенные естественные права на охрану своей жизни, физических и моральных сил, имеет право на счастливое и здоровое детство, на образование и воспитание, а в юношеские годы и на социальную помощь при вступлении в трудовую жизнь. Если ранний социализм провозгласил право каждого взрослого человека на труд, являющийся вместе с тем и его обязанностью, и тем дал толчок новому пониманию социальных отношений, то идея социально-правовой охраны детей в ее развитой форме, утверждая социальные права малолетнего, ставит его в новые отношения к обществу и государству. Ребенок перестает быть только объектом семейной заботы или опеки, построенной по частно-правовому принципу. Он становится целью разнообразных социальных мероприятий и объектом разносторонне проведенной государственной опеки. Государство становится его верховным опекуном и воспитателем. Оно творит и организует

все необходимые для его благополучия силы и учреждения, регулирует их работу, направленную к определенной цели, и снабжает всеми необходимыми средствами для успешности ее.

Эта идея социально-правовой охраны была выдвинута у нас с первых же месяцев революции, но практическое ее осуществление встретилося у нас с затруднениями, лежащими в скудости нашей страны материальными средствами и знающими людьми. Было сделано много смелых шагов, намечено много широких планов, к сожалению, часто несогласованных с имевшимися возможностями. В области борьбы с детской преступностью, была сделана попытка перенести весь вопрос в плоскость мер медико-педагогического воздействия, при чем в начале совершенно была упущена из виду социально-профилактическая сторона вопроса. Таково было положение дела при существовании первого декрета от 18 января 1918 года. С весны 1920 г., намечается некоторый поворот. Сфера медико-педагогического воздействия несколько сужается по декрету 4 марта 1920 г., допущением в отношении подростков от 14 до 18 лет, «неподдающихся мерам медико-педагогического воздействия», общих мер репрессии. Но наряду с этим начинается медленное развитие социальной профилактики в виде создания отделов правовой защиты (позднее: социально-правовой охраны) несовершеннолетних, постепенно организующих приемники и распределители для детей, опеку, юридическую помощь патронат, детскую социальную инспекцию, устройство детей в частных семьях (семейный патронаж) и пр. К сожалению, это зарождение социально-профилактической деятельности совпало у нас с наиболее трудным периодом экономическо-продовольственного кризиса, с быстрым сжатием административно-служебного аппарата и с резким переломом в области экономической политики, что не позволило сколько-нибудь удо-

злетворительно развить сеть соответствующих учреждений. «Отступление на экономическом фронте» вызвало необходимость быстрого свертывания и на прочих фронтах, при чем порою поспешно бросались и такие позиции, которые, казалось бы, не являлись угрожаемыми. В течение истекшего 1922 г., мы наблюдали, в связи с изданием уголовного кодекса, отказ от применения медико-педагогических методов в отношении молодежи от 16 до 18 лет, а несколько позднее, проведенное несколько случайно, и дальнейшее ограничение применения таких мер в отношении подростков от 14 до 16 лет. Есть надежда, что это последнее ограничение будет в скором времени отменено и определение вопроса о необходимости применения мер медико-педагогических, а не мер репрессии, будет предоставлено комиссиями о несовершеннолетних, а не суду. Но все же пока приходится отметить, что 1922 г., прошел под ложущим существенных отступлений от первоначального принципа в вопросе о применении мер репрессии в отношении несовершеннолетних.

Комиссии о несовершеннолетних, заменившие у нас прежний детский суд, существуют уже более пяти лет в Советской России. Но широкие круги еще очень мало знакомы с методами их работы и еще менее известны результаты деятельности их. К концу 1922 г. в Советской России действовало 245 комиссий, из которых каждая представляла собою вполне самостоятельную единицу, ничем не связанную со всей системой. Естественно, что в этой области наблюдалась значительная пестрота, и составить общий отчет о положении у нас дела борьбы с правонарушениями несовершеннолетних было крайне трудно. Только за последние месяцы стал у нас на очередь вопрос о создании Центральной комиссии, которая руководила бы работой местных комиссий и вырабатывала надлежащую отчетность. Надо надеяться, что вопрос этот получит скорое и удо-

влетворительное разрешение, и тогда в значительной степени сократятся те, часто неосновательные, нападки на новую постановку дела, которые в истекшем году вызвали было поворот от новых методов в обратную сторону. Пора вместе с тем вопросы, связанные с борьбой против детской преступности, сделать предметом широкого обсуждения в печати.

Работа д-ра Л. М. Василевского дает нам ряд ценных указаний, извлеченных из опыта четырехлетней работы в Воронежской и Уфимской комиссии о несовершеннолетних и в Тверской губ., в частности в течение последних годовных лет. Она затрагивает вопрос в весьма широких рамках и в общих чертах намечает пути к их правильному решению. Это — чуть ли не первая книга, посвященная борьбе с детской преступностью в современных условиях нашей жизни. Сведения, приводимые автором, зачастую являются отрывочными, случайными, но нельзя упускать из виду, что у нас почти не началась разработка данных о положении этого дела в различных уголках России со времени Октябрьской революции. Эти страницы жизни того поколения, которое вскоре придет на смену нам, еще остаются незаполненными и туманными, а между тем они во многом должны будут объяснить последующий ход развития нашей страны. Всякая попытка вписать в них факты и впечатления должна, поэтому, представлять несомненную ценность.

В течение нескольких лет мы были изолированы от общения с Западом. Теперь постепенно перед нами открывается картина происшедших и там за последние годы перемен в области детской беспризорности. Почти перед всеми народами после войны встают однородные проблемы. Понижение общего уровня жизни, оскудение крупных центров, сиротство, раннее вступление в трудовую жизнь, трудность обеспечения себе средств к жизни и жестокая

борьба за существование с самых ранних лет — вот социальная обстановка, с которою приходится почти повсюду считаться в ближайшие годы. И чтобы ослабить социальное бедствие беспризорности и преступности детей, нужно рассматривать этот вопрос не в изолированном виде, не оторванным от других вопросов, а лишь как одну из сторон того мирового социального кризиса, который переживается теперь чуть ли не всем европейским миром.

Проф. П. И. Люблинский.

Петроград, май 1923 г.

Морская, 13.

ВВЕДЕНИЕ.

В деле борьбы с нравственной дефективностью и преступностью, вообще в деле заботы о ребешке, Советская Россия с первых же шагов своего бытия обпаружила исключительную чуткость и широту, и потому странным и печальным фактом является злая разрабаганность этой области за год революции.

Литература по вопросам о детской преступности почти вся дореволюционная. За последние годы по данному вопросу несколько работ появилось в юридической и педагогической печати, изредка помещались статьи — преимущественно отчетного или полемического свойства — в московских «Известиях» и в провинциальной печати. Но все это было посвящено отдельным, выюне частным вопросам и носило именно газетный или журнальный характер. Серьезной разработки возникающих в процессе действительности недоумений, спорных пунктов и пр., критики законодательства, а тем более общих исследований в историческом или методологическом плане не было.

Мало того: работники на местах еще и сейчас обречены на тягостный недостаток, неполноту и даже противоречивость инструктивного материала. Законодательство о детском суде, о правовой охране детей, об опеке несовершеннолетних и пр. неоднократно за последние годы менялось и дополнялось, притом весьма существенно. Случалось, что члены комиссий о несовершеннолетних на местах долгими месяцами тщетно ждали из Центра руководящих указаний, а покуда вынуждены были поступать опущью, как им подсказывало их чутье и правосознание.

Эта острая потребность в литературе и побуждает меня предложить свой очерк детских правонарушений и детского суда. При всех недостатках моей попытки в этой изменчивой, колеблющейся области—недостатках, неизбежность которых я предвижу—она не окажется, быть может бесполезной для всех интересующихся проблемой детской преступности в наши дни.

К опубликованию этой скромной работы побуждает меня также потребность поделиться некоторым личным опытом по участию в комиссиях по делам о несовершеннолетних и по ведению организованных мной в разное время и в разных пунктах провинции краткосрочных курсов для подготовки сотрудников комиссий, именно исследователей и обследовательниц.

Основанная на практике последних лет разработка интересующих нас вопросов может иметь еще один полезный результат: хочется думать, что она поможет привлечь к вопросам борьбы с детской преступностью новые, более активные и более ценные, чем сейчас, педагогические силы. У нас очень смутно отдают себе отчет в том, какое широкое и благодарное поле для усилий педагога представляют правственно ущербленные дети.

Человек, посвящающий свои силы воспитанию физически или умственно дефективных детей—слепых, глухонемых, калек, идиотов, слабоумных, тяжелых эпилептиков—действует, главным образом, во имя сочувствия к обездоленным, жалости и сострадания к ним. Самое большое, на что он обычно может рассчитывать, в результате своих забот и усилий, это—немного приблизить своих питомцев к средней норме быта, облегчить им хоть отчасти путь к сносному существованию, но вырастить особенно ценную в социальном отношении личность он не может надеяться.

Среди детей указанных выше категорий натуры, стоящие выше нормы, естественного, почти не встречаются.

Совсем не то со средой детей нравственно запущенных. Правда, нравственная дефективность часто возникает именно на почве какойнибудь телесной недостаточности, или даже прямого телесного недуга (а то и душевного), но не менее часты случаи, когда нравственная недостаточность идет рука об руку с высокой одаренностью ребенка, с исключительным богатством в нем фантазии, предприимчивости, силы воли и других ценных качеств.

Поэтому отдать себя воспитанию — точнее, перевоспитанию—таких натур можно не только из чувства сострадания, но и задаваясь благодарной педагогической задачей, питая известные педагогические надежды и ожидания. Подобно тому, как в школьнике озорство и шалость часто сочетаются с живым характером, активным умом и яркой пылкой фантазией, только направленными в дурную сторону, так и нравственная дефективность, в том числе факты столкновения с уголовным законом, нередко наблюдается у детей, одаренных от природы выше среднего уровня.

Аналогию со школой можно провести и дальше. Старая школа—почти полностью можно это сказать и о школе современной в ее сегодняшнем переходном состоянии—была приноровлена к детям среднего уровня, к натурам, так сказать, шаблона. Все, что было выше этого среднего уровня, этой шаблонной нормы, извергалось школой, равно как и все, что было ниже этой нормы, этого уровня. Известно, что очень многих крупных, великих людей в детстве объявляли испорченными, озорниками, негодными и петерными в общественном смысле, и школа исключала их из своих рядов. Между тем, вся беда их заключалась иной раз именно в том, что они были выше, переросли тот шаблон, по которому скроена и слажена школа.